

ББК 87.216
УДК 122

РЕСЕНТИМЕНТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

П.И. Диденко

«Ресентимент» (Ф.Ницше) – комплекс негативных чувств, среди которых преобладают злая память и жажда мести. Либеральная интеллигенция поддалась искушению нескончаемой символической мести поверженному советскому режиму. Подобный ресентимент – род психологической компенсации за неудачи в реализации собственной политической программы.

Ключевые слова: ресентимент, либеральная интеллигенция, власть, господин, раб, Ницше.

Авторское право на понятие «ресентимент», ставшее сегодня категорией этики и, может быть, социальной философии, принадлежит Ф.Ницше. Волею этого писателя, слово из французского языка перешло в немецкий, затем в другие языки Запада, наконец, очередь дошла до «великого и могучего». Общую лингвистическую ситуацию на частном примере поясняет М.Шелер: «Мы пользуемся словом «ресентимент» не из особого предпочтения к французскому языку, а потому что нам не удастся перевести его на немецкий» (6, с.10). Впрочем, и исходное французское словоупотребление содержало лишь малую часть тех значений, которые вложил затем в термин философ. Так что сегодня весь мир читает это слово по Ницше.

М.Шелер задался однажды целью выявить основные элементы этого понятия, и для этого ему потребовалось написать целую книгу. Но даже это, сегодня оцениваемое как классическое, произведение («Ресентимент в структуре моралей») не исчерпало данной задачи. За словом стоит концепция, богатая эвристическими возможностями и постоянно развивающаяся за счет отражения посылов и вызовов новейшей истории. Кратко, по Шелеру: «Ресентимент – это самоотравление души...». Какими же глубоко спрятанными чувствами, лишенными возможности естественного выражения,

отравляет себя душа? «...В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство» (6, с.14). Словом, ресентимент – это целый комплекс негативных чувств, среди которых первенство принадлежит злопамятству и жажде мести.

Носителями ресентимента сам Ницше представлял «рабов», не способных простить своего бессилия сильным мира сего и вынашивающим идею о грядущем возмездии «господам». Заветная мечта становится доминантой всей душевной жизни, организующим началом ее, в том числе и важнейшим фактором формирования мировоззрения. В картине мира «раба» все реальные величины меняются местами, «верх» и «низ» переворачиваются: великое в моральном отношении рисуется как мелкое, слабое как исполненное достоинств, честь как гордыня, трусость и бесчестье как святость и т.д. ««Наказание» - именно так называет себя мщение: с помощью лживого слова оно притворяется чистой совестью» (5, с.101). «Рабы» символически берут реванш у «господ». Подобное символическое отношение становится почвой, на которой вырастает специфического свойства «наука», как и «искусство», и «мораль», словом, целая псевдокультура, оторванная от фактической реальности, в этом смысле фантастическая, но вместе с тем имеющая тенденцию приводить все человеческие ценности к какому-то плоскому рассудочному зна-

менателю. Тем не менее имитация «творческого порыва» обязательна для этого «подпольного» царства духа. «Восстание рабов в морали начинается с того, что ressentiment сам становится творческим и порождает ценности... В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит Нет «внешнему», «иноному», «несобственному»: это Нет и оказывается ее творческим деянием» (5, с. 424). Ресентиментная идеология по существу является родом нигилизма. С лицевой стороны она предлагает даже подчеркнуто позитивные идеи глобальной справедливости и разумного устройства социума и космоса, но в глубинной основе всего этого идеологического конструирования лежит радикальное неприятие реальной действительности как таковой.

Понятно, что на фундаменте голого отрицания ничего прочного возвести нельзя, и, казалось бы, следует предоставить собственной судьбе всех тех, кто соблазняется подобной выморочной метафизикой. Какое дело истине до таких утопий? Однако Ницше мог бы, пожалуй, найти резон в современном ироническом наблюдении, что никакие проекты не сбываются с такой высокой степенью вероятности, как утопии. Философ уже сам отчасти был свидетелем того, что ressentiment приобретает значение влиятельной формы массовой культуры. Подобное развитие событий вызывало у него, как и у ряда других представителей европейской общественной мысли (например, у А.Герцена, Дж.С.Милля), законное беспокойство. Он заглядывал дальше других. Для Ницше было ясно, что на самом деле духовный реванш «рабов» не ограничится шумным разоблачением законченной аморальности и лживости философии «господ» во благо всеобщего утверждения в умах нового единственно верного учения. Да и является ли это совокупное «учение» – все выношенные под тяжелой дланью неправой силы проекты справедливого переустройства мира, – действительно главным в духовной структуре освободившихся праведников? Собираются ли эти новые люди действительно проводить в жизнь свои программы? На уровне деклараций активность их так и должна была выглядеть, но на практике, как предвидел

Ницше, мирное созидание идеального демократического общества никогда не будет представлять для бунтарской массы наиболее привлекательным занятием.

Обида и месть, зависть и агрессия навсегда останутся для раба по натуре сердцевиной всего круга его ценностных, «духовных» ориентаций, равно как и самым сильным побудительным мотивом практической деятельности. Когда происходит то, что фортуна поворачивается лицом к «униженным и оскорбленным», первым делом для них, естественно, становится разрушение системы ценностей ненавистных обидчиков, не исключающее и деятельности, связанной с «ликвидацией» последних. Все это не так трудно совершить. Но вот вопрос, когда исчезнет с лица земли первоначальный, непосредственный объект темных чувств, составляющих ressentiment, можно ли ожидать их собственное угасание? По мысли Ницше, вовсе нет. Свой «пепел Клааса» не перестанет стучать в сердце мстителя, вышедшего на оперативный простор. Коли мишени для выхода долго копившейся агрессивной энергии вроде бы уже нет, то значит ее следует создать – такова в действительности деятельностная установка ressentimentного типа, уполномоченного самой богини Немезиды. Это, собственно говоря, одно из центральных положений теории ressentimenta как у Ницше, так и у Шелера. По их логике, ressentiment есть не только следствие известных внешних причин, он не только ответное действие, не только реактивен. Он и активен – в том смысле, что внутренне настроен на интенсивный поиск в любых вещах и отношениях, социальных реалиях и живых людях, даже, казалось бы, совершенно удаленных, таких черт и свойств, которые бы вновь и вновь питали мстительное чувство, оправдывали бы самое его существование.

Ресентиментной натуре до всего есть дело. В этом отношении, пока существует мир, «ресентиментщик» всегда найдет объект, чем-то его задевающий, глубоко оскорбляющий и заслуживающий отмщения в полном объеме. Точнее говоря, эта фигура способна к любому объекту предъявить подобный счет. В конечном счете, ее оскорбляет уже то, что на одной земле и под одним небом с нею осмеливаются присутствовать какие-то другие

существа. В современной социологии ресентиментный тип иногда именуют по-другому – «авторитарная личность» (по свидетельству ученых, довольно распространенное явление в наши дни). Не следует путать этот вид с обычным типом жесткого «делового человека», хотя бы и своевольного, а то и преступного, не останавливающегося перед нарушением законов. В гангстерских фильмах герои, «в интересах дела» безжалостно убирающие кого-то со своего пути, произносят жертве в утешение сакраментальную фразу: «Ничего личного, это бизнес». Что же касается ресентиментной личности, ее принцип совершенно противоположный. Для нее во всех случаях на первом месте именно «личное». Со всеми ближними и дальними окрестностями она переходит «на личности». И самого «бизнеса» без «личного» для нее также не существует. Естественно, при таком отношении «бизнес» не может быть успешным. Мог ли Ницше всерьез поверить, что масса мелких «авторитарных личностей», оставшись без руля и ветрил, без руководства со стороны элиты, способна к продуктивной деятельности в общих или даже только в своих частных интересах? Он видел другое: «раб», предоставленный самому себе, есть сила разрушительная.

Однако какая все-таки социальная группа или сословие соответствует полностью или хотя бы в большей степени, чем другие, понятию «раб»? Каков у этого понятия «социологический эквивалент», как выражались в 20-е гг. «вульгарные социологи» у нас и их единоверцы на Западе, обошедшиеся, правда, без того, чтобы носить на себе столь обидный ярлык (к числу их относились сам М.Шелер и не менее знаменитые К.Манхейм, А.Хаузер).

Вопрос этот не так прост, как может показаться. Прежде всего потому, что понятия «господин» и «раб» традиционны для европейской культуры. Первоисточник их – Библия. Несомненно, соответствующие термины в тексте Священного Писания имеют связь с реальными формами древневосточного и античного рабовладения, но углубляться в социологический анализ столь глубокой древности было бы нецелесообразно. Тем более, что у Ницше целые трактаты посвящены критике культур, из которых произошли, в одном случае, Ветхий Завет, а в другом – Евангелие. И

ведь философ упрекает Израиль и первоначальное христианство не в чем другом, как в поощрении ресентиментной морали. Конечно, с его критикой этих великих духовных источников европейской цивилизации нельзя полностью согласиться, но эта сложная тема требует особого рассмотрения.

Термины «господин» и «раб» присутствуют у Гегеля в «Феноменологии духа» - в известном месте работы, где великий мастер диалектики анализирует структуру и движение коренного конфликта, породившего в итоге всю новейшую историю. Этот анализ оставить в стороне нельзя, ибо факт заимствования из него Ницше доказан историками философии. Ницше вообще нередко прибегал к скрытым цитатам из Гегеля (несмотря на столь же частые критические уколы в адрес классика немецкой философии). К слову сказать, той же чести Ницше удостоил и Достоевского. В этом, конечно, нет ничего особенно предосудительного - великие таланты подобное себе позволяют, и, в общем, это только идет на пользу дела. В крайнем случае, Ницше из своего царства теней может представить себя предшественником постмодернизма в этом отношении. Но, так или иначе, гегелевский след в терминологии Ницше прослеживается.

Однако гегелевские образы раба и господина – это тоже не социологические категории. Образ господина олицетворяет власть, образ раба – труд, работу. Почему основная и большая часть общества, погруженная в труды и заботы о хлебе насущном, допускает существование над собой классовой диктатуры сословия распорядителей, господ? Потому что эта народная масса уже и в своем собственном быту давно знакома с отношениями власти, управления, подчинения, диктата, даже эксплуатации, и столь же давно успела безнадежно запутаться в них. «Материя» общества оказывается неспособной сама справиться со своими проблемами, по сути дела, уже политического свойства. Именно в том способе общественного бытия, который она представляет, политические противоречия принимают характер неразрешимой антиномии, обращаются в порочный круг – источник общественной порчи и самой вопиющей несправедливости. Возникновение классового строя и господства – стихийный выход из

образовавшегося тупика, далеко не идеальный, но единственно возможный в сложившихся условиях. «...Неравные отношения, даже как отношения прямого господства и рабства, не сводятся к чистому насилию. Они взаимны... Гегель прав, рассматривая господина и раба как распад единого самосознания на два противоположных полюса. Классовое отношение есть компромисс в пользу сильного, откуда рождается и государство». (4, с. 150–151) В том, что стихия власти отчуждается от народа, есть своя историческая справедливость. В явлении возвышения аристократии над простыми смертными тоже присутствует свой идеальный момент, связь с принципом общественного целого. Поэтому в кругу господ оказывается возможным и некоторое развитие общечеловеческих добродетелей. Некоторые качества воинов-аристократов – храбрость, честь, определенная широта натуры, своеобразный демонизм благородства, не считающийся с корыстными и вообще утилитарными расчетами, – это дар исторической благодати. (Образцовыми качествами рыцаря без страха и упрека Ницше, как известно, наделяет и своего «сверхчеловека»). Подобные свойства «господского» характера могут служить примером для любого человека.

Но Гегель, конечно, рассматривает и отрицательные стороны положения политического сословия, оторвавшегося от народной материальной основы, и, соответственно, обращает внимание на человеческие пороки, развившиеся в связи с этим. Разрыв со стихией труда не проходит даром. Пороки господ постепенно растут за счет добродетелей, в то время как народ, развивая материальное производство, раскрывая заложенные в нем возможности прогресса, развивает и себя как субъекта деятельности в широком смысле слова и, в конечном счете, избавляется от тех недостатков своих, которые не позволяли ему ранее самостоятельно справляться с проблемами политической организации своей общественной жизни. «... Хотя страх перед господами есть начало мудрости, тем не менее сознание здесь для него самого не есть для себя-бытие. Но благодаря труду оно приходит к самому себе». (1, с. 105) Конечным результатом этой объективной диалектики оказывается ломка старой иерархии и возникно-

вание нового, более разумного союза между политической идеей и материальной почвой. Ясно, что моделью драматического взаимодействия «господина» и «раба» у Гегеля выступает историческая фабула борьбы феодалов и буржуа, а идеалом синтеза власти и труда – буржуазная демократия.

Что же, собственно, взял Ницше у Гегеля? На первый взгляд кажется, что ничего, кроме одной только терминологии. Бросается в глаза, что Ницше отказывается от идеи диалектических переходов «рабского» в «господское» и обратно. «Верхи» и «низы» разделяет пропасть – аналогично и их системы ценностей тоже. Однако это наблюдение верно только отчасти. Ницше, в отличие от Гегеля, просто не рассматривает сферу материального производства как таковую, где главная роль принадлежит «трудовому» и «деловому», а не «аристократическому» началу. Его внимание привлекает привилегированная сфера политики и высокой культуры. Однако откуда же, в таком случае, в изображаемую им картину духовного мира проникают «рабы»? Это как раз свидетельство того, что не во всех отношениях Ницше порвал с диалектикой гегелевских взаимопереходов. Дело в том, что «рабское» в иерархии ценностей Ницше – это низкое в самих верхах, результат проникновения худших психологических свойств политически пассивной массы в господский менталитет. Это «светская чернь», «мещанство во дворянстве», «дикие помещики», «смесь французского с нижегородским» и т.д. Суть в том, что главное классовое размежевание в обществе приводит и к вторичному расколу – к трещине, которая «вертикально» проходит как через верхи, так и через низы. В частности, внутри привилегированной, образованной части общества возникает то стойкое противостояние, которое уже в эпоху Ницше было названо конфликтом «интеллигенции» и «мещанства». Философия Ницше, по сути, главным образом и посвящена теоретическому освещению этого конфликта. Подчеркнем, речь идет не о столкновении разных классов, социальных страт, а о духовном расколе внутри одной страты (по терминологии Ницше, «аристократической»). «Интеллигенция» – это вменяемые люди в верхах, уму и воображению которых доступны интересы общественного целого, общие ценности, включая

ценности высокой культуры. «Мещане» - это их антиподы, кто старается получить первенство перед ними за счет отрицания разделяемых ими «общечеловеческих» ценностей как «классово чуждых». Словом, это конфликт между чацкими и фамусовыми, который в других обозначениях хорошо знаком и западноевропейской литературе. И, кажется, примирения, компромисса, «взаимопереходов» между противоположностями тут вовсе быть не может. «Интеллигентность» и «мещанство» - несоместимы по определению. Это, например, доказывал известный русский философ Иванов-Разумник: «...Интеллигенция, определяемая социологически как внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризуется этически как группа анти-мещанская» (2, с. 23).

Однако на самом ли деле интеллигенция несет в себе некий «антивирус» к возможности заражения ресентиментными чувствами? История культуры и философии сегодня говорит, что это не так. Уже М.Шелер показал, в каком направлении может происходить нежелательное сближение «интеллигенции» с духом мещанского мира.

М.Шелер пишет: «Максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где равные политические права и соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т.е. в таком обществе, где каждый имеет «право» сравнивать себя с каждым и не может сравниться реально» (6, с. 21) Речь тут, в общем, идет о противоречии между реальным материальным неравенством и формальным политическим равенством. Можно сказать, это вечное противоречие буржуазного общества. Но в качестве «вечного» оно вовсе не свидетельствует о крайне бедственном состоянии этого общества и не обещает ему близкой катастрофы. Согласно той же гегелевской диалектике, подобные «вечные» противоречия присутствуют во всех значительных явлениях природы, общества или духовной сферы. Их нельзя назвать нерешаемыми. Действительно, нет общего, на все века, абстрактного их решения, но зато в каждое данное время возможно конкретное решение. Так

и противоречие между материальным неравенством и идеальным политическим равенством решается – для данного времени, для данных обстоятельств, для данных живых людей. Если не полная гармония возможна здесь в отношениях между классами, институтами, разными сферами общественной жизни, то, во всяком случае, достигим разумный компромисс, от которого выигрывают все (хотя, возможно, и в неравной степени). Однако случаются и времена общественных кризисов, которые тем и характеризуются, что разумного решения возникшего вороха общественных противоречий всякого рода не просматривается на горизонте. И вот в такое время «вечное» противоречие приобретает необычайную остроту. В эпоху кризиса для всех становится явным формальный, условный характер демократических ценностей. Демократическая форма демонстрирует свое бессилие. И в том же состоянии слабости, утраты прежней силы влияния на реальную жизнь, должна признаться себе и агенция духовного производства – вместе с демократической партией. Ценности духа становятся как бы «виртуальными». А это уже близко к онтологическому статусу тех гностических умствований, которым со всей страстью отдается ресентиментный тип в своем «подполье». Для истинного интеллигента подобное уподобление более чем болезненно. Многие в такой ситуации готовы сделать выбор в пользу чего угодно, лишь бы избежать падения в духовные глубины смердяковщины. Немалая часть интеллигенции в таких условиях избирает путь радикальной политической борьбы. Понятна логика этого выбора: каковы бы ни были практические шансы борьбы, она имеет точки соприкосновения с реальной жизнью. Состояние бессилия, таким образом, уходит. Но в чем же выражается радикализм интеллигента-борца? Суть его ни в чем другом, как в требовании скорейшего, безотлагательного решения именно противоречия между политической демократией и реальным содержанием общественной жизни. «Вечное» несоответствие формы и содержания должно быть преодолено здесь и теперь и навсегда. Ибо пришло время, чтобы демократические принципы стали принципами самой реальности, а не всего лишь «надстройкой», если не пустой буквой

вообще.. С таким внутренним настроением радикальная интеллигенция выходит на «улицу», примыкает к волнениям масс. И пока эта «уличная» политика длится, интеллигенция, как правило, играет в ней заметную роль. Проблемы начинаются уже после того, как революция, «праздник истории», заканчивается. Перспектива вольного или невольного смыкания с ресентиментом возвращается.

Похожий путь проделала наша интеллигенция в поздний советский и постсоветский периоды. В последние времена СССР либеральная интеллигенция (прежде всего ее авангард – «диссиденты») вступила в явное для всех противостояние с реальными хозяевами жизни – партийной и госполицейской номенклатурой. Но при всем открытом характере этой оппозиции лозунги ее имели мирное содержание. Требованием диссидентов к властям было: «Соблюдайте ваши законы, вашу конституцию!» Писаная советская конституция действительно ведь была одной из самых демократичных в мире. Но вот что касается ее реального практического веса... Многие обыватели и представить не могли, что можно жить по букве закона. «Протестантов» поэтому нередко считали безответственными демагогами или просто людьми с поврежденной психикой. Но другую часть публики воззвания либералов заставили задуматься над вопросом: «Если Конституция на деле неисполнима, то для чего она в таком случае нужна? Чьим интересам эта красивая форма служит?» И со временем как раз второе суждение, вторая оценка сюжета столкновения либеральной оппозиции с властями стала преобладать. Диссидентам и либералам надо отдать должное – своей неутомимой и не сулившей быстрых успехов гражданской активностью они помогли массовому сознанию правильно поставить вопрос о характере «общества, в котором мы живем», выражаясь словами одного из последних генсеков. Но что же случилось после решения общими усилиями этого вопроса?

Идеал демократии победил, но вскоре новая социальная действительность явила столь трудный и капризный характер, что демократическая власть не сумела управиться с ним лучшим образом, чем поздняя советская власть с проблемами своего времени. Сно-

ва возник сильный зазор между демократическими декларациями и материальным укладом жизни. Все как бы вернулось на круги своя. И перед интеллигенцией встал вопрос: должна ли она признать свою ответственность за ситуацию «утраченных иллюзий» в обществе? Принять на себя груз ответственности было тяжело. Но это было единственным условием возможности продолжения борьбы – теперь уже за то, чтобы «утратить и утраченные иллюзии». Не решились, ушли от ответственности. То есть наглядно продемонстрировали всему миру бессилие. После этого остается только «символический» протест, упражнения в ресентиментной идеологии.

Сознание своего поражения, исторического срыва с вершины казалось бы достигнутой духовной свободой сегодня остается у либеральной интеллигенции, но оно сочетается с чувством обиды на историю, темным желанием отомстить самой высокой культуре за ее слишком завышенные требования и отсутствие чуткого отношения к талантам и дарованиям (каковых, конечно, не лишена элитарная интеллигенция). Ресентимент интеллигенции, по-видимому, в настоящее время находится на грани перехода из фазы реактивной в фазу активную, заключающуюся, как говорилось, в практике намеренного изыскания объектов для выхода импульсов мщениия. Пока эту тенденцию избирательной агрессии по большей части ощущает на себе культурное наследие советской эпохи. По свидетельству искусствоведа и философа Г. Дадамяна, «сегодня ... все мыслимые и немыслимые счета благородного и пафосного гнева против советской власти предьявлены» (7, с. 17). Все это, разумеется, мы должны понимать как ответ на притеснения и унижения представителей гуманитарной и инженерной интеллигенции, которые те терпели 70 лет. Справедливость восторжествовала. Но насытилась ли она своим триумфом? Не похоже на то. Как пишет В.П. Крутоус: «Для обладателей ресентимента возник соблазн нескончаемой символической мести поверженному, или сначала еще полуповерженному противнику. Это была своего рода идеологическая ловушка, и многие позднесоветские и постсоветские гуманитарии в нее, к сожалению, попали» (3, с. 526). Способна ли либеральная интел-

лигенция выбраться из ловушки ресентимента? Разумеется, это возможно, ибо обстоятельства часто бывают сильнее людей – и это относится не только к дурным, но и к счастливым исходам и поворотам исторических сюжетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель. Сочинения / Гегель. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. – Т. IV. – 440 с.

2. Иванов-Разумник Р. История русской общественной мысли / Р. Иванов-Разумник. – М.: Республика, 1997. – 415 с.

3. Крутоус В.П. Эстетика и время / В.П. Крутоус. – СПб.: Алетейя, 2012. – 672 с.

4. Лифшиц М.А. О Гегеле / М.А. Лифшиц. – М.: Грюндриссе, 2012. – 304 с.

5. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т./Ф.Ницше. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.

6. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М.Шелер. – СПб.: Наука, 1999. – 282 с.

7. Эволюция культурной деятельности в новом столетии. – СПб.: Алетейя, 2005. – 452 с.

RESSENTIMENT OF LIBERAL INTELLECTUALS

P.I. Didenko

Ressentiment (by F. Nietzsche) is a set of negative feelings with unforgiveness and revenge as the most dominating ones. Liberal intellectuals gave in to temptation of an endless symbolic revenge upon ruined Soviet regime. Such a resentment is a kind of psychological compensation for its own political programme failure.

Key words: *ressentiment, liberal intellectuals, power, gentleman, slave, Nietzsche.*